

НАТАЛИЯ
РОМАНОВА

ОСКОЛДКИ

БЕЗУМНОЙ
ВЕЧНОСТИ

Наталия Романова

Осколки безумной вечности

«Наталия Романова»

2022

Романова Н.

Осколки безумной вечности / Н. Романова — «Наталия Романова», 2022

Она – молодая талантливая скрипачка, верящая, что её ждёт всемирная слава. Он всемирной славы уже добился. Молодой амбициозный спортсмен, многократный чемпион мира и Олимпийских игр, любимец фортуны и женщин, красавец с самыми льдистыми в мире глазами. Она любит его с детства, но между ними океан и...

© Романова Н., 2022

© Наталия Романова, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	28
Глава 13	30
Глава 14	33
Глава 15	36
Глава 16	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталия Романова

Осколки безумной вечности

Глава 1

Тусклый свет от макбука освещал лишь угол небольшой комнатки и часть кровати. Окно в эркере было скрыто покрывом глубокой ночи. Элис Эмон, а здесь, в Лондоне, она именно Элис, не отрывая взгляда, следила за действием на экране.

Чемпионат мира по плаванию. Финал. Доли секунды, решившие судьбу проигравшего. Победитель был предопределён. Александр Хокканен. Объектив выхватывал рассекающие воду плечи, руки, резкий поворот головы на вдохе, прозрачную гладь воды, окутывающую лицо спортсмена. Яркую улыбку и широкую вздымающуюся грудную клетку, когда Александр Хокканен шёл по синей дорожке, игнорируя операторов и вспышки фотоаппаратов. Вид со спины и секундная задержка объектива на ягодицах – небольшой реверанс в сторону толпы фанаток мировой знаменитости.

Смотреть награждение Элис не стала, захлопнула макбук и уставилась в тёмный потолок, прислушиваясь к тишине лондонской ночи. Стоит закрыть глаза, и волна воспоминаний накроет с головой, в отличие от многократного чемпиона мира, ей доступна лишь одна, детская техника плавания «по-собачьи», с сопротивлением воды ей не справиться.

Александр Хокканен. Многие сотни восхищённых женщин по всему миру, впервые увидев спортсмена, вбив в поисковик имя, с удивлением узнают, что родился и вырос спортсмен с финской фамилией в России. Отец – преуспевающий предприниматель, потомок финно-угорского народа лишь на четверть. Мать – русская, так написано в многочисленных статьях, разбросанных по интернету, как грибы после дождя.

Элис знала, от отца Александру Хокканену достался голубой, как вода в бассейне, льдистый цвет глаз, мимика и высокий рост, а от матери – выющиеся тёмно-каштановые волосы. Убийственное сочетание на фоне синевы воды и звания многократного чемпиона. Сочетание, сведшее с ума не одну сотню, тысячу женщин.

Элис Эмон была одной из них. Впрочем, всё началось задолго до того, как Элис Эмон стала Элис Эмон.

Тогда её звали Алиса Щербакова. Тривиальное имя, в общем-то. Каждое лето, помимо каникул с родителями на фешенебельных курортах, она проводила в загородном доме на отшибе мира почти на границе с Финляндией.

Маленькая, ничего не значащая точка на карте на самом деле была коттеджным посёлком, растянувшимся вдоль живописного озера. Элитные постройки стояли в отдалении друг от друга, а проезд в огороженный природный рай перекрывал шлагбаум. Никаким другим способом, кроме как по извилистой лесной дороге, сквозь ряды карельского леса в посёлок было не попасть.

Всё лето Алиса жила с бабушкой в трёхэтажном доме с огромными панорамными окнами, бассейном, гранитными дорожками вдоль стриженных газонов, аккуратных клумб, альпийских горок, прудом с японскими карасями и мостком через него. От бабушки Алисе достался абсолютный музыкальный слух, телосложение, а впоследствии – фамилия Эмон.

Уже в двенадцать Алисиных лет никто из семьи Щербаковых, включая двухлетнего тогда Семёна, не сомневался, что она продолжит обучение и поступит в Королевскую Академию музыки в Лондоне. Фамилия Щербакова для будущей мировой знаменитости была недостаточно звучной. И Алиса стала Эмон, наследницей и последовательницей знаменитой скрипачки Анны Эмон.

Всё детство Алисы было посвящено музыке и только музыке. Гаммы, ноты, многочасовые занятия, репетиции, концерты. Снова занятия, недовольство учителей, сведённые брови бабушки, концерты, овации, гаммы, ноты...

Большую часть фильмов, которые смотрели и обсуждали сверстники, она увидеть не успевала. Имена новоявленных супергероев и секс-символов для худенькой, невысокой, словно незаметной девочки звучали белым шумом. Она была погружена в свой мир, не жалея, что чужая, абсолютно незнакомая жизнь проходит мимо.

Единственным исключением из правил стал соседский Саша. Они не были дружны, виделись редко – несколько раз за каникулы. Между ними пролегла пропасть в семь лет. Когда Алиса впервые увидела высокого, взлохмаченного парнишку, ему исполнилось четырнадцать лет. Две машины – её папы и отца Саши – остановились у маленького придорожного магазинчика, последнего перед их посёлком.

Алиса выбралась из машины и поспешила за папой, ожидающим её в дверях магазина. Из соседнего авто выскочил взлохмаченный, недовольный мальчишка, он пнул камень у колеса, подняв придорожную пыль. Алиса покосилась с опаской на незнакомца и рванула со всех ног к папе. У двери обернулась от странного, неприятного чувства, словно между лопаток насыпали ледяных иголок, и попала в плен льдистых, пронзительно-голубых глаз.

Папа долго разговаривал с незнакомым мужчиной, Алиса стояла поодаль, разглядывая скудный выбор на прилавке, время от времени бросая взгляд на злого взрослого мальчика, каждый раз вздрагивая от колкого взгляда.

– Папа, а кто это? – спросила Алиса в машине, кидая взгляд на отъезжающий чёрный внедорожник.

– Наши новые соседи. Белый дом, помнишь?

Алиса, конечно же, помнила. Через широкую тропинку от их дома тянулся высокий забор с камерами на столбах. За забором виднелась часть белой стены и тёмно-синяя крыша. Раньше за забором жила старушка с сиделкой, потом хозяйка исчезла, дом одно лето пустовал. Там и будут жить новые соседи.

Соседская старушка умерла, наследники, разодрав всё причитающееся, продали загородный дом Хокканенам. Семилетняя Алиса этого понять не могла, никто и не пытался ей объяснить, а вот что мальчик с ледяным взглядом будет их соседом – запомнила.

С тех пор, каждое лето, она видела соседа по несколько раз, он же её, казалось, ни разу. Постепенно она узнала о нём всё: возраст, где учится, чем занимается. В разговорах родителей проскакивали новости о соседских делах. Алиса запомнила, когда Саша вошёл в сборную города, следом страны, а потом и вовсе уехал, сменив гражданство.

Глава 2

В память врезалось возмущение всегда невозмутимой, интеллигентной бабушки Анны. Наш, российский спортсмен будет выступать под чужим флагом!

– Правильно делает, – кивнул глава семейства, грустно смотря на тарелку с салатом из зелени. – Всю жизнь за копейки вкалывать, чтобы в итоге какой-то МОК запретил выступать?

Алисе было пятнадцать. Она с жадностью отслеживала скандал в мире спорта, ловя каждое слово, заметку, нечаянную фотографию Александра Хокканена, всё так же чувствуя россыпь леденящих уколов.

В то лето Александр три недели жил в загородном доме родителей. Спокойно ходил на озеро и обратно, к нему приезжали друзья и подруги, по вечерам из-за забора доносились музыка и смех. Алиса наблюдала за высоким спортсменом, спокойно идущим по тропинке между домами, в то время, когда корреспонденты толпились у шлагбаума, накидываясь на каждый проезжающий автомобиль.

Некоторые умудрялись просочиться лесными тропками к дому Хокканена. Один из корреспондентов – здоровенный мужичина с огромными ладонями-лопатами, – перепугал Алису. Она выскочила проводить взглядом пружинисто идущего Александра. Остановилась, как и всегда, у калитки, якобы для прополки навесных горшков с петунией и лавандой, искоса бросая взгляды сквозь кованый забор на тропинку. Странный шум отвлек, Алиса, не опасаясь, приоткрыла калитку. В их привилегированном посёлке не могло быть посторонних людей – пропускная система, круглосуточная охрана.

Мужчина щёлкал затвором огромного фотоаппарата, размахивал рукой и буром пёр на растерявшуюся Алису. В свои пятнадцать она была максимально домашним, тепличным существом. Пик её самостоятельности – покупка обеда в школе. Всё остальное время её сопровождала бабушка, а передвигались Эмон на седане представительского класса с водителем, непременно на заднем сидении.

– Александр Хокканен здесь? – выкрикивал репортёр. – Кем вы приходитесь Хокканену?!

Алиса отступала, мужчина наступал, звуки щелчков, зума фотоаппарата дезориентировали. Будущей знаменитости не стоило болезненно реагировать на корреспондента, он бы не причинил вреда растерявшейся, почти плачущей Алисе Эмон, но она не была готова перейти дорогу самостоятельно, не то, что противостоять детине в сто килограмм веса.

– Тебе чего надо, урод? – Алиса оглянулась на окликнувшего. Льдистые глаза не обещали ничего хорошего возмутителю спокойствия. – Тебя засудить или просто закопать?

– Скажите, Александр ... – не растерялся корреспондент.

– Вон! – гаркнул Александр, заводя за спину Алису. Её нос был ниже его лопаток. Это позже, спустя год, Алиса подросла, а тогда, за спиной двадцатидвухлетнего тренированного пловца, она скрылась с макушкой.

Она слушала отборную ругань, невольно краснея, наблюдала, как длинные пальцы Саши сломали флешку фотоаппарата и бросили под ноги нежданному гостю. Видела, что гость посеменил к выходу.

– Испугалась? – Алиса сама не понимала, от чего плачет. Она изо всех сил пыталась успокоиться, обхватывала ладонями худенькие плечи, но продолжала трястись как куций щенячий хвост на морозе.

– Кто-нибудь из взрослых дома? – Дома была бабушка, но Алиса не сумела выговорить и слова.

– Пойдём, – Саша обнял Алису и мягко подтолкнул к калитке, уже через минуту заводя за забор соседского дома.

Никаких клумб, альпийских горок и игровых площадок. Просторный газон, сосны по краю участка, садовые качели в тени раскидистого дерева в центре двора. На крыльцо высыпали три парня и две девушки, последние с неприкрытым любопытством разглядывали спутницу чемпиона страны, Европы и мира.

Алиса будто со стороны смотрела на происходящее. Вот она стоит у качелей в радужную клетку. Почти прозрачная, невысокая, в светлом шифоновом платье по колено, с открытыми, худыми плечиками, разительно отличающаяся от спутниц Александра Хокканена – в ярких топах и шортах, демонстрирующих всё самое аппетитное разом.

Вот сосед усаживает её на качели, обсуждая с друзьями, как поступить при детской истерике. Предложение выпить коньяка отнёс сразу, как и валерьянки. В итоге Алиса пила лимонад и смотрела по сторонам, перестав плакать и трястись.

В гостях она пробыла недолго, в любой момент могла проснуться бабушка Анна. Отсутствие внучки испугает до смерти пожилого человека. Алиса поспешила домой, пряча взгляд, стараясь изо всех сил не краснеть. Конечно, она жила не в монастыре, в школе общалась с мальчишками, выступала со взрослыми артистами-мужчинами, в том числе молодыми и привлекательными, но никто из них не был Александром Хокканеном. Голубоглазым соседом с льдыстым взглядом, тёмно-каштановыми, выющимися волосами, спадающими упрямой прядью на лоб, и широкой улыбкой, уже тогда сводящей с ума сотни женщин.

– Ты, кстати, почему подсматриваешь за мной? – спросил он шёпотом, чтобы никто не слышал, возвышаясь над Алисой у калитки. – Автограф хочешь?

– Да, – Алиса кивнула и залилась румянцем.

Об автографе она не думала. Собираение росчерков, как правило, оставленных в суете, походя, даже не глядя на просителя, казалось глупым занятием, но она уцепилась за щадящую её самолюбие версию.

Саша пообещал дать автограф, даже сфотографировался с Алисой несколько раз, смело отправив на продиктованный номер телефона снимки. Соседская девочка не вызывала опасения у опальной в своей стране звезды спорта. Рафинированное создание из благополучной среды не станет продавать номер телефона наглым журналистам. Ей даже в голову такого прийти не могло.

Через день Алиса нашла под калиткой плотный конверт на её имя с фотографией Александра Хокканена, на обратной стороне было написано «Алисе Щербаковой от Саши», и стояла подпись – череда ровных букв с большим наклоном. Всё это Элиса хранила по сей день как драгоценность.

В то лето Алиса соседа больше не встречала. Из разговоров поняла – Александр уехал из страны в тот день, когда оставил конверт у калитки рядом с подставками для свисающих петуний.

Если бы это были последние воспоминания об Александре Хокканене – помимо турнирных таблиц, статей и фотографий на билбордах ведущей спортивной марки, – Алиса была бы почти счастлива...

Глава 3

Ещё раз они встретились в то лето, когда Алисе шёл девятнадцатый год. Она училась в Королевской Академии музыки и жила в Лондоне взрослой, самостоятельной жизнью.

После поступления – первые несколько недель – с ней жил папа. Бабушка Анна была не в том возрасте, чтобы осилить перелёт. Она ежедневно подбадривала внучку по скайпу и отчитывала за помарки в исполнении, не делая сноску на стрессовую ситуацию подопечной.

Оставшись одна, Алиса растерялась, испугалась. Оказалось – она абсолютно не готова к самостоятельности, жизни в одиночестве, к новым знакомствам, к тому, что люди... разные. Не только по национальности и вероисповеданию. У них разные привычки, разные взгляды на одну и ту же ситуацию. Они по-разному говорят и по-разному думают.

Бытовые мелочи вызывали шквал вопросов. Алиса не знала элементарных вещей – как пользоваться общественным транспортом, какие вещи можно подвергать химчистке.

– Элис, – говорила ей бабушка по скайпу, твёрдо глядя на растерявшуюся, готовую заплакать и рвануть домой внучку. – На обучение простому действию, например, стирке носового платка, в пятилетнем возрасте уходит не меньше месяца. В пятнадцатилетнем – неделя, а в девятнадцать – несколько минут. Быт – всего лишь быт. Очень скоро ты привыкнешь, перестанешь замечать мелочи. Музыка – единственно важное.

Анна Эмон была мудрой женщиной. Через месяц Алиса освоилась, обросла приятелями, бытовыми привычками, придумала себе маленькие радости. Метро, автобусы, кофе на вынос по утрам, ужины в ресторанчиках китайской или индийской кухни, долгие прогулки и... музыка. Музыка всегда была частью Алисы, её миром, её сущностью, без музыки и Алисы не существовало.

Единственное, с чем никак не могла смириться Алиса – одиночество. Она не привыкла находиться в квартире, доме одна. Обязательно в соседней комнате, этажом выше или ниже, были члены семьи. Бабушка, родители, младший брат Сёмка, его няня. Пустая квартира – небольшая и уютная, которую снял для неё папа, пугала до неприятного холода по спине. Но и эта проблема была решена – Алиса нашла соседку.

Чинция Тедеско – итальянка, учащаяся на третьем курсе той же академии, тоже скрипачка – стала проводником для Алисы в новой жизни. Открыла небольшие студенческие хит-росты, показала ресторанчики, научила готовить быстро, дёшево, буквально из чего угодно, познакомила, кажется, с сотней людей. Калейдоскоп впечатлений закружил, к Пасхальным каникулам она забыла, как плакала и бесконечно боялась в первое время. Лондон, с лёгкой руки Чинции, стал для Элис Эмон родным.

Летом она отправилась домой. Соскучилась по родным людям, несносному Сёмке, хотела обнять бабушку, маму и папу. Пройтись по знакомым с детства улицам, навестить педагогов, друзей, если те будут в городе. Может быть, всего на несколько недель, позже не откажет себе в жарком пляже в блаженном ничегонеделании. Алиса не строила планы – ей шёл девятнадцатый год, она жила взрослой, самостоятельной жизнью.

То утро выдалось тёплым, лучи пронизывали спальню Алисы, растекаясь по постельному белью и телу. Она нежилась, словно кошка, жмурясь от удовольствия, предчувствуя неясное, но наверняка хорошее. Завтрак был изумительный, самый любимый Алисой: яйцо-пашот, тосты с кусочками авокадо, ломтики прозрачной, слабой соли, рыбы, чай с бергамотом.

После она играла для Анны, но больше для себя и мира вокруг. Для петуний, растущих всё в том же порядке, что и на фотографии четырёхлетней давности. Для лаванды, тянущейся в навесных горшках вдоль белой, резной беседки. Для тени, отбрасываемой кустами отцветшей сирени. Соснам, прорезающим рыжими стволами высокое, голубое, словно льдистое небо. Мягкому, окутывающему ветру, обнимающему, как ласковый, настойчивый любовник.

К полудню бабушка, по обыкновению, отправилась спать, а Алиса пошла к озеру, бросив взгляд на высокий забор по соседству. Оттуда доносилась музыка, естественно, не классическая, слышался мужской смех. На секунду она зажмурила глаза и загадала, чтобы открылась калитка, вышел Александр Хокканен, окутывая пронзительно-голубым, как сегодняшнее небо взглядом. Загадала безо всяких примет. Потому что лето, тепло, а ей шёл девятнадцатый год.

Никто калитку не открыл, шум могли издавать родители Саши, гости семьи, кто угодно. Алиса потопталась на дорожке и поспешила к озеру по тропинке вдоль сосен, кустов шиповника и облепихи.

Озеро небольшое, с маленьким островом по центру – пристанищем семейства уток, жёлтыми кувшинками вдоль берега, нависающими над водой ивами и тропинкой, петляющей вдоль покатога, чаще песчаного берега. Каждый закуток – маленький пляж, каждая полянка – потенциальное место для отдыха.

Посёлок маленький, закутки и полянки негласно поделены бабушками, молодыми мамами и нянями с малышами. Дети постарше ходили в гости к приятелям, но никогда одни на озеро. Главы семейств долго не рассиживались – если вдруг решали сменить воду бассейна на озёрную, торфяную, то искупавшись, спешили в благоустроенные, просторные дворы.

Плавала Алиса плохо, а окунуться хотела. В пятистах метрах от дома установили мостки, уходящие далеко в озеро, в глубину. Рядом покатый, песчаный, всегда чистый вход в воду. Вода оказалась теплее, чем ожидалось, Алиса с наслаждением зашла по пояс, опустила плечи и поплыла вдоль берега, стараясь не заплывать на глубину. Порой расслаблялась, зависала, переворачивалась на спину, жмурилась на солнце и радовалась чему-то...

Чему? Какая разница. Она впитывала счастье, концентрируя на кончиках натруженных пальцев, а в голове кружились, лились звуки, захватывали и отправляли ввысь, выше голубого неба и устроившихся на нём ватных облаков.

Из нирваны вывел бесцеремонный шлепок по воде. Кое-как всплеснув руками, она судорожно нашла дно и уставилась на выходящего на берег мужчину. Окидывала взглядом знакомую дорожку волос на затылке, размах плеч, узкую талию, упругие ягодички – фетиш многих поклонниц, – длинные ноги, небольшое родимое пятно у локтя и недавно появившуюся татуировку вокруг верхней трети плеча.

– Прости, напугал? – Алиса стояла, открыв рот, не веря себе. Хотелось ущипнуть себя или укусить кончик языка, чтобы наверняка.

Александр Хокканен во всей своей красоте, сводящий тысячи женщин с ума. Голубые глаза внимательно смотрели на застывшую Алису, скользили колкими льдинками по телу Алисы. По пышным тёмно-русые волосам, собранным в высокий хвост, чтобы не мочить в озере, по торчащим ключицам, обогнули ледяным взглядом лямки купальника, остановились на груди, обдав каждую холодом и жаром одновременно, скользнули ниже, фиксируясь на подрагивающем пупке, лобке, бесцеремонно забираясь под ткань плавок.

– Нет, я сама виновата, задумалась, – наконец отмерла Алиса.

– Да, погода располагает к... подумать, – она невольно вздрогнула от стремительного взгляда на собственные губы.

– У вас... тебя, отпуск, каникулы?

– Мы знакомы?

– Почти.

– Ну... да... – Александр будто смутился, но мгновенно взял себя в руки. – Небольшой отпуск перед чередой интенсивных тренировок.

– Ясно, – Алиса быстро протёрлась полотенцем и надела сарафан. Кусочек ткани едва прикрывал середину бедра, оставляя открытой спину, но хотя бы скрывал грудь.

Не так уж и сильно изменилась Алиса Щербакова с памятной встречи. Она подросла, совсем немного округлилась – в последний год спала детская припухлость на лице, – но по-прежнему была худой и невысокой. В обычное время Элис Эмон не задумывалась о собственной привлекательности в глазах мужчин. За ней пытались ухаживать, считали интересной, даже красивой, если верить Чинции Тедеско – удивительно изящной. Сама же Элис интересовалась собственной фигурой лишь в магазине, при обновлении гардероба.

Да, грудь у неё небольшая, зато она запросто ходит без бюстгалтера – в отличие от той же Чинции, в двадцать два года задумывающейся об операции по уменьшению груди, – и ноги стройные. Чинция сравнивала Элис со струной – тонкая-тонкая, натянутая. Щиколотки и запястья, талия и шея – всё филигранной, тонкой выточки. Сама же Элис к столь восторженным отзывам подруги относилась с тёплой иронией. Чинция с таким же восхищением могла описывать пиццу в родном городке на юге Италии, к концу речи у собеседников возникало желание не только съесть, но и жениться на тонком тесте.

Сейчас, под леденящим взглядом Александра Хокканена Алиса чувствовала неловкость, стеснение, желание скрыться от оценивающего взгляда, настолько мужского, абсолютно неприличного, что выбивало дух.

Глава 4

– Вот где я тебя встречал! – вдруг воскликнул Александр. – А я мучаюсь – где видел, когда? Теперь знаю, от чьей скрипки я просыпаюсь по утрам.

– Прости.

– Мне нравится, – успокоил он. – Ты очень изменилась, Алиса Щербакова... Сколько тебе лет? Или женщинам такие вопросы не задают?

– Восемнадцать, зимой будет девятнадцать, – Алиса пожала плечами, не совсем понимая к чему нелепый вопрос.

– Совсем большая, – льдистый взгляд прокатился по лицу Алисы, ухнул к коленям, тягуче вернулся обратно. – Слушай, ты надолго приехала?

– У меня каникулы, могу завтра уехать, а могу через месяц.

– Понятно. Заходи в гости, – он кивнул на свою калитку. – Скучно, наверное, с бабушкой и младшим братом?

– Бывает, – не стала лукавить Алиса.

– Часам к семи.

– Неудобно.

– Перестань, будет только мой друг и его девушка.

Алиса согласилась. И даже прихорошилась к семи вечера. Юркнула в калитку под недвольным взглядом бабушки. Вычурного не надевала, ни к чему, ни ситуация не располагает, ни компания. Платье с запахом до середины бедра, держащимся на широком поясе в два обхвата, подчёркивающее сильные места Алисы. Ноги и талию, а объём груди прибавлял удачный бюстгальтер.

Друга звали Сергей, он работал не то программистом, не то менеджером по продажам, Алиса не вслушивалась, с ним девушка Лиза – высокая, с фактурными формами, чем она занимается, и вовсе выпало из памяти Алисы.

Алиса сидела на качелях рядом с Сашей, он так попросил его называть, поблизости стоял столик с сырной нарезкой, с вкраплениями прошутто и сальчичона, с фруктами, двумя фужерами брютта, один из которых был почти выпит гостей. Сергей время от времени проходил мимо, проверял барбекю, говорил и громко шутил. Происходящего вокруг Алиса не замечала.

Всё, что видела, понимала Алиса в тот вечер – рука Саши, медленно оглаживающая её ладони, запястья, кожу у локтя. Его ладони, скользящие по бедру, по самому краю подола, опускались ниже, оглаживали колени. И ласковые, умелые, деликатные губы, сводящие с ума лёгкими, не настаивающими поцелуями.

Свой первый поцелуй Алиса запомнит на всю жизнь. Саша будто пробу снимал с её губ. Лишь удостоверившись в чём-то своём, углубил, усилил движение губ, сведя на «нет» слабые попытки думать.

Понимала ли Алиса, что происходит, могла предположить, чем закончится этот вечер? Да! С того самого мига, как увидела Александра Хокканена на берегу озера, она понимала, что окажется с ним в одной постели, проведёт ночь вместе. Знала наверняка, что именно он станет первым мужчиной в её жизни.

– Господи, какая же ты... – шептал Саша в губы. – Безумная, моя, моя, моя...

Они ушли в дом, и, кажется, Саша озвучил друзьям благовидный предлог. Алиса запомнила лишь добродушный смех в спину и как одним рывком оказалась прижата к жадно вдыхающей грудной клетке и горячим, алчущим губам. Вставая на носочки, чтобы ему было удобнее, она тянулась к этим губам, отвечала жарко, откровенно, совершенно забыв о том, что у неё нет опыта, откинув стыд, мораль, чувство собственного достоинства – лишнее, напускное, придуманное кем-то не для Алисы в объятиях Саши.

Ощущение сильного тела, когда одним движением он поднял её, устроив её ноги на своей талии, прижал к стене, разорвало Алису в клочья. Она стонала, шептала безумное, страстное, глупое, жалкое, почти гениальное.

В спальне пахло свежестью, а простыни казались холодными на ощупь. Шёлк – блажь обеспеченных людей. В окно заглядывала тусклая белая ночь, а Алиса сходила с ума от тяжести мужского тела на себе, горячего, порывистого дыхания, боли, пронзившей её как разряд тока, и обезумевшего синего-синего взгляда.

– Алиса, дурочка, – прошептал Саша, попробовав на вкус её слёзы.

Под утро Алиса ушла, выпроставшись из мужских объятий. Свет проникал в окно, она как следует рассмотрела своего первого мужчину, тщательно запоминая каждую впадинку, родинку, пятнышко, татуировку на руке, появившуюся в этом году. Саша недовольно потянулся, натянул на голову одеяло, пробурчал: «Сандра, закрой шторы» ... в то время, когда она тихо закрывала за собой дверь.

Алиса ждала, два дня она прожила в ожидании, что Саша придёт к ней. Не с предложением руки и сердца, нет. Ей предстояла учёба, музыкальная карьера, а у спортсмена жёсткий график тренировок и рекламные контракты. Семейные, даже просто серьёзные отношения не входили в её планы... Но Алиса ждала.

Александр Хокканен, как она узнала через два дня, уехал тем же утром, когда Алиса крадучись выбралась из его спальни. А через восемнадцать часов появилась фотография звезды спорта в аэропорту города, где теперь он жил и тренировался.

Сейчас Элис Эмон находилась в Лондоне, в освещённой лишь светом макбука комнате. Она решила, на сегодня хватит воспоминаний, захлопнула крышку, упала головой в подушку, старательно укуталась в тёплое одеяло. Умеренно континентальный климат Лондона не баловал в то лето теплом. Через двенадцать часов самолёт, Элис не хотела появиться в терминале аэропорта чучелом и перепугать своим видом Анну Эмон.

Глава 5

Перелёт занял традиционные три часа, Элис почти не заметила времени, проведённого в аэропорту и на борту самолёта. Весь полёт она посвятила чтению – занятию, для которого у неё оставалось мало возможностей. Интенсивная учёба занимала почти всё время, остальное уходило на общение с приятелями, которыми Элис обросла за прошедший год.

Чинция была на редкость общительной девушкой. Имела знакомства почти в любой сфере – от уличных музыкантов, художников, фриков, до выпускников Кембриджского университета. Дни на Туманном Альбионе Чинция проводила с душой, успевая помимо успешной учёбы и карьеры заводить мелкие интрижки, блистать на светских раутах, оттягиваться в ночных клубах, не отказывать себе в алкоголе.

Элис Эмон не смогла бы угнаться за темпом Чинции даже если бы ей была по нраву такая жизнь, и всё же, из огромного числа гостей, то и дело появляющихся в их квартире, без труда заводила себе новые знакомства.

Неделю назад Чинция съехала, рассудив, что получив место в Лондонском симфоническом оркестре, сможет себе позволить съём отдельного жилья. Новый статус, новая жизнь. Элис же предстояло найти другую соседку. Жизни в одиночестве она по-прежнему не представляла, а после активной, всегда шумной и добродушной итальянки – тем более.

Но, пока бежали летние каникулы, она решила не думать о будущем. Папа оплачивал обучение и проживание, не вникая в разницу стоимости аренды квартиры. Его устраивал район, арендодатель и то, что Алиса была довольна и жильём, и присутствием соседки.

Элис с неохотой погасила экран, закрывая страницы электронной книги, под знаком которой прошёл её последний год. Вернее, не книги, а поэта. Стихотворные формы помогли Элис не впасть в отчаяние год назад после постыдной истории с Александром Хокканеном.

Сколько бы она ни твердила, ни убеждала себя, что Саша ничего не обещал, а всё произошедшее – её и только её решение, перестать чувствовать горечь обиды не могла. С возрастом люди учатся управлять эмоциями, желаниями, порывами, но Алисе Щербаковой шёл двадцатый год, она ещё не постигла науку разочарований.

На стихотворение, поразившее Элис до дрожи от кончиков пальцев до подвздошной области, она наткнулась случайно и целые сутки прокручивала в голове, получая какое-то странное удовлетворение от пробегающих в воображении строчек. Лишь через неделю ей пришла мысль отыскать другие стихи человека, творящего под ником «volitare».

И каждая, каждая строчка проникала в сознание, сердце Алисы, даруя то успокоение, умиротворение, то дрожь по телу. Она проводила пальцами по буквам на экране и представляла, как строчки оживают, рожают энергетические потоки, с которыми она порой не могла справиться, а иногда не хотела. Тогда она брала в руки скрипку, закрывала глаза и плыла на волнах музыки, утихомиривая обиду и разочарование.

Элис Эмон шёл двадцатый год, она была безответно влюблена в кумира тысяч женщин, многократного чемпиона мира, синеглазого красавца с телосложением бога, обманувшего её глупые мечты. Красивые слова, сложенные в рифмы, излечивали Элис, как и множество других девушек, чьи сердца были разбиты.

Накануне отъезда появился в продаже сборник стихов *volitare*. Элис оформила покупку и весь перелёт наслаждалась чтением, утопая в строчках, как в мыльной ароматной пене, чувствуя прикосновения кошачьих мягких лап к сердцу.

Город детства встретил тёплым, окутывающим ветром и объятиями бабушки. Анна Эмон не менялась с годами. Всё такая же подтянутая, с убранными волосами и яркой брошью на шёлковой блузе, она стояла в зоне встречающих и улыбалась, увидев любимицу.

– Не так и плохо, – после тёплых приветствий сделала Анна комплимент обрезанным Алисиным волосам. – Всё-таки экран немного искажает действительность.

Волосы Алиса обрезала в начале сентября, почти сразу после возвращения в Лондон. Длинные локоны напоминали о Саше, путающем пальцы в струящихся прядях. Он шептал: «Моя, моя», а утром уехал, не сказав: «Прости». Волосы не виноваты, но Алиса с радостью отрезала бы часть души, помнящей голубой, льдистый взгляд, а в итоге укоротила лишь причёску.

Сейчас длина волос прикрывала скулы, оставляя оголённой шею, придавая Алисе трогательный вид. Чинция громко и порывисто выражала восторг новым образом, утверждая, что не встречала женщины изящнее и грациознее, чем Элис Эмон. Мужчины подтверждали слова соседки, не скупясь на комплименты и попытки ухаживания, вот только ни один из них не был голубоглазым обладателем льдистого взгляда.

– Спасибо! – Алиса улыбнулась бабушке.

– И всё же кроссовки с платьем – моветон. И эти украшения, – тут же добавила бабушка, указав на ряд цепочек с кулонами и браслетами в комплекте, вызвав смех Алисы. – Неужели ты не можешь себе позволить что-нибудь более пристойное?

Украшения недорогие, руки молодого, подающего надежды дизайнера. Элис Эмон шёл двадцатый год, она не желала носить вычурные бренды. Лишь ряд неброских пусетов с бриллиантами имели материальную ценность во всём ее убранстве.

Глава 6

Ехать на дачу не хотелось, мечталось пройтись по знакомым улицам, заскочить в магазин на пересечении родной улицы и проспекта, купить мороженое, отправиться на набережную, бродить, в надежде встретить знакомцев.

Водитель доставил обеих Эмон, расположившихся, как и обычно, на заднем сидении, к дому родителей Элис. Квартира Анны в соседнем доме – так было проще в своё время приглядывать за талантливой внучкой.

Дом встретил ароматом еды и суетой на кухне. Домработница Тамара, работающая у Щербаковых столько, сколько помнила себя Алиса, готовила праздничный обед и заодно приглядывала за скучающим Семёном. Отец, как всегда, работал, мама задерживалась в салоне красоты. Она позвонила сразу по прилёту, объявила, что назначена торжественная встреча, но сейчас вынуждена задержаться. Мама, естественно, была возмущена нерадивостью администратора, не сумевшего организовать работу на должном уровне, но абсолютно бессильна.

Алиса улыбнулась в трубку, словно рассерженная мама могла увидеть, и успокоила, сказав, что не держит обиду. Они без проблем доберутся с бабушкой, а праздничный обед – это прекрасно.

Сёма визжал как девчонка, тут же потащил в свою комнату – демонстрировать успехи в компьютерной игре. На экране носились мультяшные монстры, Алиса делала вид, что ей безумно интересно. Впрочем, она соскучилась по младшему брату, его детский восторг вызывал ответный. Алиса полюбила младшего брата, впервые увидев конверт со сморщенной красной мордашкой среди белых и голубых рюшей.

Безусловная любовь к Семёну никогда не испарялась, детская ревность прошла мимо живущей музыкой и каждодневными занятиями Алисы. Для неё ничего не изменилось с рождением брата. Сёма же рос с убеждением, что Алиса – талантливая скрипачка, чьё будущее – большая сцена, а настоящее – ежедневные репетиции, и под строгим запретом мешать исполнению амбициозных планов семейства. Сестре и брату никогда не приходилось делить родительское внимание, время и деньги. Встрече они были рады, как могут быть рады близкие люди.

Родители пришли через час. Папа заполонил собою пространство, громко расспрашивал о событиях и новостях, мама суетилась, накрывая на стол, помогая домработнице. Бабушка сидела в кресле, внимательно слушая внука, с нескрываемым интересом уточняя уровень магии игрушечного дракона, а Алиса... Алиса просто была счастлива. От того, что находилась дома, от суеты мамы, запаха запечённой рыбы, приготовленной Тамарой, степенной речи бабушки, экспрессивных жестов папы, от несдержанных комментариев Сёмы. От шума за окном своей «детской» комнаты, от того, что именно в эти мгновения она не думала о Саше. Не вспоминала льдистый взгляд, принося себе бесполезную боль.

Обед проходил шумно, оставили Тамару, приехали родственники: родная тётя по отцовской линии с мужем и сыном, неказистым подростком пятнадцати лет, обещающим вырасти в интересного мужчину. Двоюродная сестра бабушки Анны – педагог по вокалу в консерватории с неизменной наперсницей – собачонкой породы русский той-терьер. И давняя подруга мамы Елизавета, присутствующая при всех знаковых событиях в жизни семейства Щербаковых.

Лишь к вечеру Алиса встала из-за стола, вдоволь наговорившись, напивавшись семейной атмосферой. В тот день она не брала в руки скрипку и даже всегда строгая Анна не сделала ей замечания. Родители дружной компанией собрались в загородный дом, в тот самый привилегированный закрытый посёлок на границе с Финляндией.

Алиса отказалась, ей не терпелось выскочить на улицу. Живя в Лондоне, она не скучала по родному городу, а возвращаясь, всегда чувствовала, что оказывалась дома, спешила дышать тяжёлым, влажным воздухом.

Пообещав приехать на днях, Алиса проводила родных и упала на кровать, разглядывая гладкий потолок. Нужно принять ванну, выспаться, прийти в себя от впечатлений и незначительной, но перемены климата и часовых поясов.

Глава 7

От разумных мыслей отвлекло сообщение. Маша, предпочитающая, чтобы её называли Марьяна – одноклассница в частной школе Алисы и соседка. Парадные у них были разные, а балконы «детских» разделяла стеклянная стена. В детстве они просили родителей нанять рабочих, чтобы прорубить проход в стене, это казалось разумным решением, но их аргументам не вняли. Подружки не рискнули разрушать стену подручными средствами, тогда они ещё не знали, что фасадное стекло не разбить тяжёлой книгой или камнем.

Алиса тут же ответила и выскочила на балкон. Сквозь голубоватый отсвет виднелась фигура Марьяны, махающей руками и подпрыгивающей в нетерпении. Алиса довольно улыбнулась. Вот и реализовывается план. Осталось купить мороженое на углу и отправиться на набережную. Встретились через полтора часа, меньше на сборы не выходило. Алисе необходимо было привести себя в порядок после перелёта, а Марьяна не умела собираться быстрее.

– Я думала, протухну одна, – бросилась обнимать Алису Марьяна. – Не понимаю, что я вообще здесь делаю! – она возмущённо фыркнула. – Папахен решил, что мы с Вадькой, – речь шла о брате Марьяны, – должны непременно побыть дома, с семьёй. Приехали! Сидим, как два осла, не зная, чем заняться!

Марьяна была выше Алисы на половину головы и объёмнее в стратегических местах, которые не постеснялась подчеркнуть, не нарочито, но имеющий глаза увидит. Она всегда была такой – красавицей, знающей себе цену.

Дочь своего отца-политика, последние несколько лет работающего в Москве, и матери – преуспевающей бизнес-леди. Перед Марьяной не на словах открыты все двери и любые дороги. С младенчества она росла в убеждении собственной значимости, как и Алиса, знавшая наверняка, что музыка и только музыка – её великое будущее. Марьяна выбрала Колумбийский университет в Нью-Йорке и училась в безумном для Алисы направлении – «Кино и медиаисследования».

– Сегодня открытие «Расси», пошли! – воскликнула Марьяна, подпрыгивая в нетерпении на месте.

– Какого «Расси»?

– Смотрю, ты как была вся в своём мире, так и осталась. «Расси» – статусный ночной клуб. Сейчас из каждого утюга о нём кричат. В Москве лет пять работает, была я там. Пафосное место, конечно, но ничего особенного. Сегодня здесь открывают.

– Зачем идти туда, где «ничего особенного»?

– Ты даёшь! Куда ещё идти? Там хоть люди нормальные, везде же тоска.

– Пойдём, – Алиса пожала плечами. – А что с дресс-кодом?

«Расси» так «Расси». Она бывала с Чинцией в пафосных, статусных местах. Случалось, зависала в демократичных пабах, а то и вовсе в клубах для кокни, но чаще терзала струны неизменной скрипки или проваливалась в поэзию руки *volitare*.

– Со мной тебе не о чем беспокоиться! К тому же, на церковную мышь ты точно не похожа.

Алиса рассмеялась. Марьяна права, Алиса не покупала одежду люксовых брендов, но всё же на ней красовались белый свободный комбинезон и обувь на плоской подошве дорогих марок. Рядом с немного вызывающим, почти на грани пошлости, платьем Марьяны, скромно, но наметанный взгляд фейсера всегда отличит нарочитую простоту от дешёвой.

«Расси» расположился в центре города. Вход через длинную арку в небольшой двор-колодец, превращённый на летнее время в террасу со столиками под тентом. Две сплошные стены, увитые плющом, напротив арки – невысокая кованая решётка под старину перед кри-

воватой невысокой изгородью из дореволюционного кирпича, увитой всё тем же плющом, и единственной дверью в трёхэтажном доме – входом в клуб.

Атмосферно, немного жутко и пафосно. Статус заведения бросался в глаза ещё на подъезде. Охранники в чёрном – мордовороты, от одного вида на которых у местной шпаны отпадет желание побеспокоить гостей заведения. Припаркованные вдоль узких кривых тротуаров авто, скучающие, дожидаясь хозяев водители. Девушки, готовые выпрыгнуть из брендовых трусов по первому щелчку любого из приглашённых на открытие. И ошалевшие местные жители окрестных коммуналок, взвизгивающие на сомнительное счастье, свалившееся на их некогда тихий микрорайон и двор, где в прошлом году орали коты в аварийном доме, да тихие пьяницы распивали дешёвый алкоголь.

– Да, детка! – заверещала Марьяна, выскакивая из арки, тут же хватая Алису за руку, чтобы провести через двор-террасу в тёмное, атмосферное, жутковатое помещение. – Я говорила, со мной тебе не о чем беспокоиться!

У барной стойки, сверкающей разномастными бутылками, улыбками барменов, натёртыми бокалами, толкалась толпища из человеческих тел. Запах алкоголя смешивался с дорогим парфюмом, громкая музыка – с перекрикивающими голосами посетителей, жаждущих поделиться впечатлениями или заказать выпить.

– Сиди здесь, – Марьяна выхватила откуда-то барный стул и усадила Алису, показывая жестами бармену, чтобы срочно подошёл и принял заказ.

– Вам? – внимательные глаза бармена с дружелюбной улыбкой скользнули по Алисе, профессионально оценивая платёжеспособность. Среди статусной публики своя градация, Алиса не знала, прошла ли проверку.

– Сок... апельсиновый, – громко сказала она, пытаясь перекрыть аккорды и залихватский женский смех за спиной.

– Свежевыжатый?

– Давайте, – Алиса кивнула, рефлекторно отодвигаясь от грохочущего смеха.

Марьяна попивала коктейль кислотного цвета, показывая глазами Алисе, что та, верно, не в своём уме. Ночь, клуб, музыка, драйв, мужчины и апельсиновый сок? Скучно, как на лекции в планетарии во втором классе!

Позже танцевали, музыка пронизывала тело Алисы яркими вспышками, она двигалась в такт басам, растворяясь в собственных движениях. Кто-то подходил к ней, пытался познакомиться. Алисе был неинтересен тридцатилетний тип в расстёгнутой по пояс рубашке, развязно размахивающий руками, алчно облизывающий пересохший рот. Марьяна в это время мелькала то здесь, то там, сверкая улыбкой и привлекательными формами, умудряясь даже в такой, конкурентной среде красавиц, оставаться заметной.

Во дворе-террасе все столики оказались заняты, кроме единственного, в самом углу. Его обходили посетители, а Алиса присела, устав от танцев, духоты и гремющей музыки. Нет, и живое исполнение вполне сносное, на привередливый вкус учащейся Королевской академии музыки, и вентиляция с кондиционером работали безотказно, и силы были – Алисе шёл двадцатый год, она могла развлекаться ночь напролёт, – но стремительно пропадал интерес находиться там, где она находилась. Марьяна не брала трубку, уехать без предупреждения не позволяла совесть, к тому же хотелось убедиться, что с подругой всё хорошо, та не отказывала себе в алкогольных коктейлях.

– Вот ты где! – как прочитала её мысли Марьяна. – Я тебя ищу! Ты не поверишь, кого я только что встретила. Хокканена!

Глава 8

Сердце Алисы пропустило удар, потом ещё один и ещё. Накануне он был в Осло, очередной раз став чемпионом мира... Он не мог находиться здесь и сейчас. Транспортная доступность позволяла, этот город родной для Саши, как и для Алисы, но это было бы слишком жестоко. Алиса только-только научилась жить со своей болью, разочарованием, смирилась с обидой. Она не хотела видеть Сашу, пронизывать своё несчастное сердце льдинами голубого взгляда. Испытывать второй, третий, сотый круг обиды. На него ли, на себя ли. Неважно! Не хотела, не могла!

– Какого Хокканена? – Алиса нахмурилась, скользя взглядом по лицам и фигурам людей. Пусть это будет другой Хокканен, любой другой, не Саша!

– Александр! Пловец, чемпион мира! Неужели не слышала?

– Нет, – в равнодушное пожатие плеч Алиса вложила все свои силы.

– Как ты живёшь вообще? – громко и беззаботно смеялась Марьяна, пока душа Алисы разбивалась о льдистый взгляд Саши, пронизывающий её насквозь.

Саша подошёл, улыбаясь как на билборде. С ним несколько парней, отлично сложенных, молодых, улыбчивых, но Алиса видела только Сашу. Лишь его одного. И умирала, умирала, умирала.

– Алиса, знакомься, – взвизгнула Марьяна. – Александр Хокканен – многократный чемпион мира по плаванию! Коллеги Александра – Андрей, Стефан, Майкл, Арттери, – она показала рукой на мужчин от двадцати пяти до тридцати лет, повторив на английском для Стефана, Майкла и Арттери. – Алиса, она...

– Просто Алиса, – перебила она подругу.

– Вот и отлично! – хлопнула в ладоши Марьяна. Александр Хокканен, молчавший всё это время, сверлил взглядом Алису. Он подозвал жестом официанта в форменном чёрном фартуке, с дежурной, максимально дружелюбной улыбкой.

К ним присоединились две девушки, появившиеся буквально из ниоткуда. Модельной внешности, похожие скулами и губами, они приветливо улыбались и тыкали яркими ноготками в меню. Алиса невольно спрятала кисти, устроив их на коленях. Полчаса назад она была довольна внешностью, натруженными пальцами скрипачки, с короткими ногтями, стрижкой, невычурными украшениями, стильным комбинезоном, а сейчас мечтала стать такой же, как любая из окружающих девиц...

Выше, ярче, громче, объёмней, в конце концов. А ещё лучше – исчезнуть. Произнести волшебное заклинание, испариться, вынырнув в параллельной реальности, где всё то же самое, лишь никогда не существовало Саши. Голубых глаз, небрежно свисающей на лоб густой пряди тёмных волос, улыбки, больших ладоней, широких плеч и равнодушного, смотрящего сквозь Алису взгляда.

Моделям словно было безразлично, кому отдать предпочтение, а Марьяна определённо сделала свой выбор в пользу синеглазого красавца. Любая из тысяч женщин понимала её, Алиса Щербакова понимала. Себе легко признаться – понимала, многое отдала бы прямо сейчас за заинтересованный льдистый взгляд в свою сторону. Всё отдала, кроме музыки.

Алиса опустила глаза на ламинированные страницы меню, якобы думая, что заказать. В голове гремели строчки *volitare*, помогая собраться, выжить, выбраться из-под завалов самоуважения. Ткнула в первый попавшийся салат и пару алкогольных коктейлей.

Арттери, что в переводе с финского означает человек-медведь, подсел ближе к Алисе, помогая ей с выбором компании на ночь, говорил на английском, радуясь свободному владению языком своей визави. Девушки-модели расселись между Андреем, Стефаном и Майклом, деля внимание поровну, Алиса не желала представлять окончание их вечера, а Марьяна

повисла на локте Саши. Он бросал короткие взгляды на Алису, она в это время прятала пальцы, борясь с приливом настолько острого стыда, что накатывали слёзы, и смотрела на Арттери, действительно напоминавшего светло-рыжего медведя с веснушками по лицу и открытым участкам тела.

Алиса чувствовала себя безвольной куклой, глупой, вedomой, когда стояла у выхода из длинной арки, придерживая тонкими пальцами накиннутый на худенькие плечи пиджак Арттери, машинально пряча ногти в складках ткани. Нужно было уезжать домой, но отказаться видеть Сашу она не могла, льдистый взгляд гипнотизировал Алису, нанизывал, как бабочку на энтомологическую булавку, и заставлял кивать, как неваляшку, согласившись составить компанию Арттери в гостях у Саши.

В такси Алису мутило, кружилась голова, безумно хотелось пить. Марьяна смеялась, протягивала алюминиевую банку с чем-то приторно-сладким, от чего хотелось пить ещё сильнее. Безбожно клонило в сон, она с трудом узнавала знакомые улицы, а потом перестала ориентироваться, видя лишь ряд одинаковых таунхаусов, невысокий белый заборчик вдоль длинной улицы и зелень деревьев. Пригород... всё, что могла предположить Алиса.

От знакомого парфюма начинала болеть голова, ломило виски, заходило в отчаянии сердце. Время от времени она дёргала за ручку на двери, но пальцы, которые она узнает в любом забытии, останавливали движения, придерживая холодные от отчаяния руки.

Она сидела рядом с Сашей, прижимающим к своему боку счастливую Марьяну. Алисино бедро в белой ткани было плотно прижато к Сашиной ноге, тепло от его тела растекалось, отравляя по капле её кровь, насыщая отчаянием, болью, вспыхнувшей обидой, невыносимым разочарованием.

Арттери расположился на переднем сидении, время от времени поворачивался, счастливо жестикулировал, делился впечатлениями от увиденного голосом огромного, мурлыкающего кота, пока Алиса едва не вывалилась из остановившегося на пустынной улице автомобиля прямо в объятия человека-медведя.

Глава 9

Солнце не било в лицо, лучи не скользили по постельному белью и телу Алисы, но, ещё не открыв глаза, она знала, что наступило утро. За тёмными, тяжёлыми шторами было открыто окно, доносился птичий гомон. Так непривычно и неправильно.

Больше всего Алиса боялась открыть глаза, но всё же распахнула их, как в бездну шагнула. К счастью, в кровати она была одна. Медленно перекаtywаясь с бока на спину, она оглядывала помещение, в котором уснула вчера.

Спальня. Светлые обои, почти однотонные, только если присмотреться как следует, видны завитки огромных соцветий, переплетённых между собой в охапки. Она лежала в центре огромной кровати, отражающейся в зеркале шкафа, а между двух окон стояло рекаме, с обивкой в цвет штор. Невычурное убранство. Как в каталоге мебели, всё на своих местах, ничего лишнего, кроме чужеродной для этого места и дня Алисы Щербаковой.

Алиса встала, всё так же не отводя взгляда от зеркала. Мужская рубашка с двумя застёгнутыми пуговицами – вот и весь наряд. Пятёрнёй попыталась привести волосы в порядок, ловя отблеск браслета в отражении окна напротив. Волосы послушно легли в нужном направлении, а потом пружинисто вернулись в исходное положение.

Повернувшись, она двинулась в ванную комнату, дверь в которую была в этой же спальне. Привела себя в порядок, насколько это возможно. Шампунь, гель для душа мужской, нашлась расчёска и зубная щётка в упаковке. Предусмотрительный жест хозяина дома. Кружево её белья чужеродно смотрелось на полотенцесушителе. Алиса сдёрнула белые лоскутки и быстро надела, благодаря себя за вечернюю предусмотрительность. Оставалось найти комбинезон, сумочку и выскользнуть из этого дома, где бы он ни находился.

Думать о произошедшем не было сил. Хотелось ускользнуть, провалиться в беспмятство раз и навсегда, чтобы никогда в жизни не вспоминать режущий кромкой льда взгляд, блуждающий по ней, будто в поисках ответов на невысказанные вопросы. На цыпочках она выбралась в коридор, стараясь ступать как можно тише, притвориться кошкой. Нехитрое расположение комнат. Три спальни на втором этаже, с одним коридором и балконом в торце. Вестибюль с лестницей, гостиная, кухонная зона, выход на просторную веранду – на первом.

Вестибюль заливал утренний солнечный свет, скользя лучами по паркету, вреzаясь в глаза Алисы резкой болью. Пришлось зажмуриться. Она быстро оглянулась и двинулась в сторону кухонной зоны, такой же необжитой, как и спальня, в которой проснулась.

– Утра! – отсалютовал бокалом с жидкостью Саша, прожигая пригвоздившим, не дающим двинуться с места, льдыстым взглядом. – Водички? – он показал глазами на открытую бутылку минеральной воды, Алиса замерла в проёме между кухонной зоной и вестибюлем.

Единственное, чего хотелось – сбежать. Пронзить стрелой пространство, исчезнуть. Не видеть синего взора, пробегающего по ней от кончиков ногтей на ногах – нежно розового, почти телесного цвета, – до всклоченной, не уложенной макушки, останавливаясь на пуговицах у груди и кистях рук, судорожно прикрывающих полупрозрачную ткань рубашки.

– Одежда там, – так и не дождавшись ответа, отозвался Саша, показывая рукой на веранду. Действительно, за окном, на спинке двух стульев растянулся её комбинезон.

Вчера они завалились в этот дом под шумный говор Арттери и довольный смех Марьяны. Алиса едва передвигала ноги, отчётливо понимая одно – она должна уйти. Мысль билась, истерично стуча в виски: уйти, уйти, уйти. А сама Алиса продолжала следовать за собственным глупым, кровоточащим сердцем, вдруг вспомнившим острую обиду, разочарование годичной давности, в мазохистском ударе продолжая смотреть на расслабленную руку Саши на плече Марьяны. Её откинутую шею и его мизинец, отодвигающий вырез платья в сторону, скользкий по коже у ключицы и в ложбинке декольте.

Они расположились в гостиной, как праздные сибариты, сидя на мягких диванах. Саша заказал пиццу, вьетнамскую кухню, а в дополнение – несколько бутылок брютта, который исчез из высоких фужеров раньше, чем появлялся. Праздновали. Все – победу Александра Хокканена, а Алиса пила за разбитое сердце, которое уже никогда не перестанет ныть, обречённое заходиться в острой, невыносимой боли.

Ноук чам¹ брызнул на белую ткань комбинезона, растекаясь безобразным пятном, похожим на разочарование Алисы. Рыже-грязным, не смывающимся, с кривыми краями. Потом, на кухне, она пыталась застирать пятно, не понимая, от чего захлёбывается слезами на самом деле. Жалко белую ткань или свою изгаженную душу?

Рубашку ей дал хозяин дома, он же кинул комбинезон в стиральную машину, предварительно зависнув над незнакомыми кнопками. Он же пообещал пристроить сушиться ткань, и он же отзывался мурлыкающим смехом на объятия Марьяны, крутившейся рядом как кошка, требующая ласки.

Понимаете? Словно не было той ночи, будто она приснилась Алисе, точно она всё вообразила себе, а потом целый год вымывала по крупницам воспоминания о произошедшем. Не слышала шёпота: «Безумная, моя, моя», и не видела тот синий-синий взгляд, обезумевший, открытый. Не чувствовала на своих губах его губы и не запомнила их навсегда, до чёртового скончания веков.

Алиса обречённо плелась за Арттери, отмечая краем сознания, что большие руки в полупрозрачных веснушках мягко лежат на её талии, обхватывая почти целиком, а макушку окутывает мужское дыхание. Всё, что запомнила Алиса – захлопнутую дверь спальни, где скрылся Саша, уводя за собой довольную Марьяну. Щелчок двери, разбивший ей сердце. Снова.

И если бы поцелуи Арттери были напористей, развязней, откровеннее, Алиса бы уступила, с радостью признав поражение. Но ласковые, деликатные движения губ человека-медведя поднимали бурю протеста в её сердце. Разве заслужила она вот эти ласкающие, мягкие руки? И тёплое дыхание у шеи? И срывающийся шёпот, как удары набата в голове?

– Элли, – она слышала мягкий голос, так её ещё не называли, финский вариант сокращённого имени Элис. – Расслабься, не волнуйся, я не сделаю тебе плохо. Не обижу тебя. Элли, ты напряжена, я массажист, доверься мне.

Алиса уснула раньше, чем закончился массаж, а проснулась в той же рубашке, что дал ей Саша. Вряд ли она забыла секс с Арттери, человеком-медведем, он действительно не обидел, не сделал ей плохо. Переночевал в той же комнате, раскинувшись рядом на кровати, а утром исчез до того, как она проснулась.

И сейчас Алиса не хотела видеть Арттери, а тем более колючий, прошивающий до печени льдистый взгляд Саши. Но если человека-медведя не было поблизости, то Саша сидел на высоком барном стуле и, белозубо скалясь, не стесняясь раздражения на шее, предлагал ей минералку.

¹ Ноук чам – вьетнамский соус

Глава 10

– Спасибо, – буркнула Алиса, обходя его стороной, стремясь выскочить на веранду за злосчастливым комбинезоном.

– Утюг на втором этаже, – услышала она, прижимая белую ткань. Пятно всё-таки осталось, вещь была безвозвратно испорчена, как душа Алисы Щербаковой в неполные девятнадцать лет, почти год назад...

– Спасибо. А Марьяна где? – спросила она, чтобы спросить хоть что-то, не рвануть на улицу, стирая горячие дорожки слёз с алеющих щёк.

– Спит. Не только у тебя была бессонная ночь, – уголок губ Саши поехал наверх, а взгляд опустился в вырез рубашки. Алиса тут же подняла руки выше, закрываясь до самой шеи, и отвернулась в смятении.

Она слышала глухой удар – как будто что-то свалилось на кафельный пол, скорее всего, та самая бутылка минералки, – ругательство, непривычное уху, но не обернулась, рванула наверх, чтобы переодеться и тут же уехать. Не оставаться в этом доме ни единой минуты, ни секунды своего времени. Вычеркнуть из своей жизни глухой удар ладони по дереву и звон разбившегося о кафель стекла.

Больше Алиса тем утром Сашу не видела, зато встретила Арттери, не зная, куда прятать глаза от стыда за произошедшее, вернее за не произошедшее. Он бежал вдоль аккуратной велодорожки, когда Алиса спешила к ждущему её такси.

– Элли?! – крикнул Арттери, приветливо взмахнув рукой. – Уже уезжаешь? – он улыбнулся, встряхнув короткими, рыжеватыми волосами. С утра лицо было покрыто не только веснушками, но и щетиной, которая шла ему. Отрасти он бороду, и можно сниматься в сериале про викингов.

– Да, – Алиса прятала взгляд.

– Мы можем встретиться сегодня или завтра?

– Ну...

– Сколько тебе лет на самом деле, Элли?

– Девятнадцать с половиной, – опешила она. – Зимой будет двадцать.

– Это правда?

– Правда, – Алиса кивнула.

– Встретимся, когда ты подрастёшь, – тёплая рука Арттери убрала прядь волос у лица Алисы, заправила за ухо, а мягкие губы коснулись щеки. – Обязательно встретимся.

Таксист покосился на парочку на дорожке, но терпеливо ждал. Водители бизнес-класса не выражают недовольства, им не за это платят. Алиса быстро уселась на заднее сидение, в смущении не позволяя Арттери проявить галантность, попросила тронуться быстрее.

Спустя час езды и несколько снисходительных взглядов в свой адрес со стороны водителя, Алиса оказалась в родном районе. Вид у неё, несмотря на утренний прохладный душ, действительно был помятый. Комбинезон она гладить не стала, волосы топорщились, губы припухли от совершенно не нужных ей поцелуев. Голова раскалывалась, а сердце умирало на беззвучном режиме.

На счастье Алисы, бабушка уехала с родителями и не узнала, в каком виде единственная внучка вернулась утром. Бабушка не вмешивалась в личную жизнь внучки, лишь иногда живо интересовалась молодыми людьми, о которых слышала из разговоров или видела на фотографиях из далёкой, протекающей в Лондоне жизни Алисы.

Бабушка Анна не уставала повторять, что главным для Элис Эмон должна оставаться музыка и только музыка, но, намекала она, на личную жизнь непременно нужно находить время. Естественно, под «личной жизнью» Анна Эмон вряд ли имела в виду секс с первым

встречным после совместного распития на открытии ночного клуба. Она пришла бы в ужас, узнай, что Алиса, её Элис, напилась до пьяной истерики и уснула без белья в чужой спальне рядом с мужчиной старше её лет на десять.

Глава 11

Лишь к вечеру Алиса пришла в себя. Отмокла в ванне с пеной с персиковым ароматом, отоспалась в родной кровати, помнящей её детские мечты о большой сцене, а потом занималась четыре часа, растворяясь в музыке, проигрывая особенно трудные места, игнорируя усталость. Музыка – вот что на самом деле необходимо Алисе. Музыка, а не льдистый взгляд, заставляющий сжиматься в нервный комок и кусать губы от обиды.

От приготовления лёгкого ужина отвлекло сообщение от Марьяны. Сначала восторженные смайлики с восклицательными знаками, а потом череда коротких, бомбардирующих предложений с перечислением всевозможных достоинств, тех, что ниже пояса, неоднократно чемпиона мира по плаванию. А через пятнадцать минут на пороге стояла и сама подруга, едва не подпрыгивая от довольства и счастья, вдруг свалившегося на неё.

– И он пробудет здесь две недели, – заходила в восторге Марьяна, жуя нарезанный Алисой огурец. – Представляешь?! Две недели с самим Александром Хокканеном!

– И ты уверена, что он все две недели проведёт с тобой? – Алиса изо всех сил изображала лёгкость, придерживаясь лада «до мажор».

– Я постараюсь, – засмеялась Марьяна.

– А потом что?

– Ничего, – подруга пожала плечами. – Нет, если всё сло-о-о-ожится, – она задумчиво растянула гласные, будто недовольно морща нос. – Александр живёт в шести часах езды от Колумбийского университета, – Марьяна принялась к ароматам из сковороды на плите, над которой колдовала Алиса. – Перспектива так себе, конечно.

– Почему? – Учителя могли гордиться Алисой, она не взяла ни одной фальшивой ноты.

– У него тренировки по шесть часов, плюс на суше, один выходной на неделе. Мужчина должен быть при деле, но не трупом в конце дня, – Марьяна выразительно повела бровями. – В общем, я не загадываю, – она небрежно взмахнула рукой, чтобы тут же переключиться на Алисино приключение: – А что у тебя с Арттери?

– Ничего, – Алиса откусила огурец по образу и подобию Марьяны. – Он из команды Александра, – было сложно не сорваться на имя «Саша». – Америка далеко от Великобритании.

– А вообще? Понравился? – глаза подруги сверкнули интересом, Алиса на секунду потупилась, словно сбилась с основного ритма. Сфальшивила, сплоховала, но быстро нашлась, обхватывая гриф скрипки надёжнее, и продолжила игру:

– Он массажист. Сплошных достоинств мужчина, – если бы в этот момент её увидела Чинция, даже она не заметила бы в широкой улыбке фальшь.

– Отлично!

Ночью Алисе не спалось, она листала новостную ленту, написала несколько сообщений приятелям по учёбе, в том числе Чинции. Поговорила с мамой по телефону, уверив, что приезжать не нужно, она сама в ближайшие дни приедет к ним на дачу, а там... Можно рвануть в Европу всей семьёй, в Италию или Хорватию.

Снова читала стихи *volitare* и уговаривала сердце жить. Ведь это так просто, легче лёгкого. Оправиться от разочарования и начать работать ритмично, перекачивая молодую кровь по телу. Алисе Щербаковой шёл двадцатый год, она не хотела быть несчастной, организм требовал счастья в полную силу, вопреки всему и вся. Строчки *volitare* говорили ей, что она переживёт и это разочарование тоже. Ведь это просто. Так просто. Легче лёгкого.

Ночи в это время года стояли белые. В призрачной, молочной дымке казалось – всё окутано мистикой. Раскидистые кроны клёнов в парке, видимые с балкона Алисиной комнаты.

Набережная серой, тягучей Невы и золотые купола Смольного собора, отражающегося в глади воды. Хотелось взять скрипку и... Жить. Просто. Легче лёгкого.

Пальцы привычно коснулись грифа, задели струны, она наклонила голову, вдыхая еле уловимый запах лака и концертных залов, взмахнула смычком и начала играть. Стоя на балконе, прямо в белую ночь, закрыв глаза, отдаваясь пронзительным звукам. Наверное, завтра ей будет стыдно, но сегодня не получалось отказаться от самой жизни, заключённой в пронзительной Мелодии Мирослава Скорика.

Звук оборвался резко, повис на доли секунды в воздухе и ухнул вниз, на тёмный тротуар. Взгляд, скользящий и пронизывающий, льдистый даже сквозь фасадное стекло, парализовал Алису. Она безвольно опустила руку со смычком, нелепо взмахнув им в сторону, потом со скрипкой и замерла, разглядывая человека на соседнем балконе.

На Саше были лишь низко сидящие шорты. Сквозь стекло не проступал рисунок татуировки на правом плече, а упрямая прядь волос будто лежала в указанном порядке. В той белизне ночи он казался призраком, не живым человеком, лишь синий взгляд выдавал в фигуре напротив человека. Живого. Из плоти и крови. Человека, разбившего сердце Алисы, даже не зная об этом.

Она зажмурилась и зашла в комнату, меняя призрачные виды на реальность искусственного освещения.

Глава 12

Погода стояла тёплая, на редкость летняя, такая, что не хотелось никуда уезжать. Ни в какую Хорватию, Италию или Испанию. На семейном совете постановили – к тёплым берегам отправятся, когда спадёт тепло в родных краях. Разве Щербаковых можно удивить жаркими странами, белыми песчаными пляжами, кораллами, морскими звёздами, россыпью цветных ракушек? Нет. А вот побыть всей семьёй удаётся редко.

Бабушка занималась с Алисой, не щадя, не делая поблажек на отдых. Напротив, она безбожно заваливала заданиями, миниатюрами, новыми отрывками. Анна не зверствовала так со времён музыкальной школы Алисы, но та была рада.

Между методичным разучиванием классики и игрой в своё удовольствие, когда Алиса ни с того, ни с сего начинала импровизировать или, к ужасу Анны Эмон, наигрывать современные мелодии, пропадало желание бесконечно жалеть себя.

Разве произошло нечто неожиданное?

Что-то случилось с Элис Эмон? Нет. Элис Эмон строго выполняла задания, выданные ей на летнее время, а также старательно корпела под руководством бабушки. Помня единственно важное: музыка – вот смысл её существования. Всё остальное вторично.

Что-то изменилось в жизни Алисы Щербаковой? Нет. Алиса продолжала жить своей жизнью. Ходила после четырёх на пляж, стараясь не думать, что год назад встретила там Сашу. С удовольствием занималась с Сёмкой, играла с ним, будто снова попала в детство. Прислушивалась к вечерним разговорам родителей после ужина. Беседовала с бабушкой, время от времени споря о возможности играть классику в современных аранжировках, поклонницей которых становилась Алиса. Перекидывалась сообщениями с Чинцией, иногда с друзьями, делилась новыми шутками или впечатлениями. Обычная, размеренная жизнь.

История с Сашей не забылась. Огромной, раскалённой занозой она сидела под ложечкой, заставляя ежечасно, ежеминутно, ежесекундно испытывать боль, разочарование и обиду. Алисе шёл двадцатый год, достаточный возраст, чтобы понимать – Саша Хокканен не обязан помнить единичный эпизод в его жизни, даже если он стал первым мужчиной в жизни девушки. У Александра Хокканена огромная армия поклонниц, в его жизни бесконечная карусель, состоящая из Алис и Марьян, сменяющих друг друга быстрее, чем перегорают неисправные лампочки на этом аттракционе.

Ничего не изменилось от того, что она своими глазами увидела, как Саша уводит другую девушку в свою спальню. Он ведь делает так постоянно, может быть, еженощно. В его жизни нет постоянной женщины, а если есть, то тщательно скрыта от ока всевидящих фанаток и спортивных агентов, в чьих интересах поддерживать имидж холостого, потенциально свободного мужчины.

Алиса всё понимала, всё принимала, но никак не могла смириться. Поэтому попросту не думала. Она продолжала просыпаться утром, заниматься, выслушивать недовольство или похвалу бабушки, бежать на завтрак, играть с Сёмкой, спешить на озеро, нежиться в тёплой воде, идти неспешно обратно, перекидываясь по пути бессмысленными фразами с такими же праздно отдыхающими. Какая-то пенсионная, скучная жизнь, но Алиса чувствовала – одна фальшивая нота, один неверный такт, и вся она – натянутая как струна, – лопнет. Поэтому играла отчаянно сосредоточенно, с полной выкладкой.

Так и жила один день, второй, третий, подходил к закату четвёртый. Алисе казалось – шёл седьмой год, а не четвёртый день после того, как она увидела на балконе Марьяны синий, пронизывающий взгляд Саши. Тогда в ней что-то лопнуло, она даже слышала этот звенящий, высокий, в двадцать тысяч герц, звук. Она взяла минимум вещей, зная наверняка, что в заго-

родном доме родителей достаточно летней одежды, и отправилась в посёлок на границе с Финляндией.

Алиса искупалась, как и всегда, аккуратно бороздя неуверенными гребками вдоль берега, следя, чтобы ноги всегда касались дна. Встряхнула волосы, совсем немного выющиеся от влаги, накинула лёгкое широкое платье, отдалённо напоминающее абайю, и неспешно пошла по знакомой тропинке вдоль озера.

Между высокими домами и сплошными заборами были проулки, а за ними лес. Усыпанные хвоей тропинки песчаной почвы, возвышенности и низины, заросшие низкими, густыми кустарниками. Алиса свернула в один из проулков, поднимая взгляд к синему-синему небу, совсем как взгляд Саши. В голове крутились новые стихи *volitare*, они появились день назад на его странице, мгновенно собрали искренний отклик поклонников таланта. Неровные строфы уместились в сердце Алисы, свернулись пушистым комком и погладили мягкими лапами звенящие струны нервов.

Хвоя, перемешанная с песком, шуршала под ногами, врезаясь в нежные пальцы. Непривычно открытые ноги в ярких сланцах реагировали на каждый укол, Алиса не обращала внимания. Незначительные уколы, по сравнению с раскалённой занозой под ложечкой, не доставляли неудобства.

Алисе почудилось – кто-то идёт за ней быстрым, спешащим шагом. Обернулась. Глупости. Никого не было. В их привилегированном посёлке с круглосуточной охраной попросту не могло быть посторонних, особенно с тех пор, как один из постоянных обитателей получил пост в столице. Кажется, охрана была везде, а если присмотреться, то за высокими соснами и густыми кустарниками тянулся зелёный забор, едва ли не с колючей проволокой сверху. Если и торопится кто-то по проторенной тропинке, то однозначно свой.

Она обернулась ещё раз, убедилась, что никого нет, сделала шаг вперёд и остановилась как вкопанная. Льдистый, исподлобья, взгляд пригвоздил ступни к тропинке. Каждая хвойная иголка стала заметна, отдалась болью, примешиваясь к давней боли под ложечкой и разочарованию.

– Здравствуй, Алиса Щербакова, – Саша наклонил голову вбок, смерил её взглядом от растрёпанной макушки с едва выющимися от влаги волосами до пальцев на ногах, всё с тем же лаком на ногтях.

Глава 13

Он стоял на тропинке в светлых брюках карго, так редко идущих мужчинам, демонстрируя всему миру и Алисе превосходство и в этом. В однотонной футболке, подчёркивающей мышцы, которые она отлично помнила на ощупь. Загорелый, высокий, с солнечными очками, небрежно придерживающими непослушную прядь наверху. Белые кроссовки перекатывались с носка на пятку и обратно.

Всегда спокойно относящаяся к своей внешности Алиса вспомнила, что не пряталась от солнца последние дни. Щёки у неё разрумянились, кончик носа слегка обгорел, став розовым, как пяточек поросёнка. Высыпали неожиданные веснушки по скулам, а губы обветрились и нуждались в бальзаме... или поцелуях обладателя льдистого взгляда. Алиса вздрогнула от последней мысли, отступила на пару шагов назад, пятясь, как рак-отшельник.

– Сейчас тоже будешь делать вид, что мы не знакомы? – пригвоздил вопросом смотрящий.

Саша в полшага нагнал её два. Алиса почувствовала слегка обгоревшей кожей между лопаток корявую кору дерева, опираясь на него. Пронизывающий синий взгляд прожигал насквозь от макушки до лобковой косточки, заставляя горячие волны растекаться по телу.

Она вздрогнула, быстро отвела глаза, пряча эмоции. Тысячи тысяч похотливых взглядов сопровождают существование Александра Хокканена. Он с лёгкостью переживёт отсутствие льстивого блеска в глазах Алисы, и её самолюбие, тонкое, как струна «Ми» на скрипке, не рассыплется в прах.

– Алиса?

– Ты с Марьяной? – она нагнулась вбок, высматривая за спиной Сашу подругу. Та ведь собиралась постараться, чтобы чемпион Хокканен пробыл с ней две недели своего отпуска.

– Мне надоела эта игра, Алиса, – Саша встал ещё плотнее.

Алиса ощущала жар его тела в миллиметрах от своего и от этого покрывалась мурашками, чувствуя, как привстают волосы на затылке. Зажмуриться не получалось. Льдистый взгляд с лёгкостью удерживал её, прищипливал к злосчастному дереву, заставляя ощущать обгоревшей кожей спины каждый изгиб, выбоину, выщербину на корявом стволе.

– Я... я не играю.

– Не играешь? Ты не узнала меня?

– Узнала, – Зажмурилась усилием воли, отвернулась, чувствуя, как начинает гореть кончик носа, а из глаз того и гляди хлынут непрошенные, обжигающие слёзы.

– И в клубе узнала?

– Да...

– Тогда какого чёрта? Скажи мне, что я сделал не так, и мы закроем раз и навсегда эту тему.

Алиса уставилась на Сашу. Что он сделал не так? Глупо шутит? Он переспал с ней, пусть она сама этого хотела, но ведь он понял, отлично понял, что стал первым мужчиной в её жизни. Понял! Ей не почудился тот одуревший, синий-синий взгляд и ошеломлённый выдох. Понял! И наутро исчез, не сказав: «Прости», или... чего угодно не сказав!

Он захлопнул на её глазах дверь в спальню, подталкивая её подругу, а утром смотрел на её, Алисину грудь в своей полупрозрачной рубашке. Он настиг её дома, в детской комнате, и заставил уехать среди ночи сюда, в безопасное, как ей казалось, место.

– Всё так, – с трудом выдавила Алиса из себя. Язык прилип к нёбу, невыносимо захотелось пить, кружилась голова, её бросило в жар, а кончики пальцев покалывало от холода льдистого взгляда.

– Почему ты не позвонила мне? – ещё раз, по слогам, повторил Саша, добиваясь зрительного контакта и понимания от Алисы. Позвонила? Она не позвонила? Александру Хокканену?

– Я не знаю твоего телефона, – она нахмурилась, язык еле ворочался, всё так же нестерпимо хотелось пить.

– Не знаешь?

– Нет...

– Господи! Ну конечно, эта старуха, она всегда смотрела на меня, как на врага народа! Иуду!

– Какая старуха?

– Тем утром, прошлым летом, мне необходимо было уехать, срочно. Я пришёл к тебе, твоя бабушка не пустила меня, сказала, что ты отдыхаешь, режим, занятия, музыка... Я попросил передать номер и уехал.

– Она не передавала, – Алиса уставилась на Сашу. Неужели это правда? Неужели он приходил? Искал её? Искал...

– Почему ты не написала мне, Алиса? Не нашла? Контакты моего агента просто найти – официальный аккаунт, почта, тысячи способов связаться. Я ждал, как кретин ждал.

– Почему ты не написал?

– Куда? Ты знаешь, сколько Алис Щербаковых в социальных сетях? Я написал каждой! Каждой! Даже пятидесятилетним! Мне нашли данные всех учащихся всех музыкальных колледжей, академий, кружков самодетельности Англии, от первого курса до пятого, независимо от их специализации. Нигде нет Алисы Щербаковой! Нет! Словно ты мне приснилась! Будто я грёбаный псих, придумавший себе воображаемого друга. И когда я отчаялся, решил, что ты и правда мне приснилась, всё приснилось, я встречаю тебя на открытии в ночном клубе, а ты смотришь на меня озлобленным волчонком. Просто скажи, что я сделал тогда не так, я постараюсь исправить, сделаю всё, что угодно, и мы разойдёмся. Обещаю, я навсегда уйду из твоей жизни, не потревожу, забуду. Клянусь. Чем я обидел тебя, Алиса Щербакова?

– Ты не обижал... – Алиса с трудом соображала.

– Сотни девчонок стремятся попасть в мою постель, иногда это грёбаный спорт, иногда попытка заработать денег, жажда славы. Но ведь это не твоя история, Алиса Щербакова. Чем я обидел тебя? Настолько обидел, что ты... и Арттери, – Саша потёр виски, будто его мучает головная боль, и облизнул ставшие сухими губы.

– Я – Алиса Эмон. Элис Эмон...

– Твои родители Щербаковы. – Синий взгляд прожёл дыру во лбу Алисы. – Почему Эмон?

– Как бабушка... Анна Эмон. Всемирно известная скрипачка. Она играла дуэтом с Леонидом Коганом и училась у Давида Ойстраха. Анна... Эмон.

– Эмон? Элис Эмон? Ты Элис Эмон?

– Да.

– Отлично, просто отлично!

– Я пойду?

– Нет, Элис Эмон, не пойдёшь, пока мы не выясним всё до самого конца.

– Мы выяснили, – смешалась Алиса.

В её голове никак не укладывалась новая реальность. Саша пришёл к ней, заходил, он искал её! Они всего лишь соседи, он не мог знать, что сварливая старушка по соседству – Анна Эмон, мало кто из не узких специалистов знал это имя, а в лицо тем более.

И Анна Эмон, её родная бабушка, не передала ей, что приходил Саша. Почему? За что? Разве она совершила преступление? Тогда Алисе шёл девятнадцатый год, она всего лишь влюбилась в красивого парня, это случается сплошь и рядом. Если бы мама Алисы не влюбилась в папу в двадцать один год – не было бы Алисы и Сёмки спустя десять лет. Если бы сама Анна

Эмон не полюбила своего будущего мужа – не было бы мамы Алисы... Ведь это нормально! Нормально влюбляться, когда идёт девятнадцатый год!

Мир, как камешки калейдоскопа, высыпанные из цилиндра, сыпался к ногам Алисы, а она не могла оторвать взгляда от россыпи некогда ярких геометрически складных фигурок, и никак не могла составить новый узор. Не выходило.

– Девочка моя, маленькая, – прошептал Саша, нагнувшись к лицу Алисы. – Моя Элис... Моя Алиса Щербакова.

И это был самый неправильный, самый желанный поцелуй за всю сознательную жизнь Элис Эмон.

Глава 14

Алиса сидела на краю деревянных мостков, едва задевая пальцами ног прохладную поутру воду. На расходившихся кругах бликовали солнечные лучи, воздух стоял прозрачный и недвижимый, тишину спящего посёлка нарушало птичье многоголосье.

Откинувшись назад, подставила лицо нежаркому солнцу и закрыла глаза. Счастлива. Она была счастлива! По-настоящему, остро, пронзительно счастлива.

Что изменилось со вчерашнего вечера? Если подумать хорошо – ничего. Ни Алиса не изменилась, ни природа вокруг, а всё-таки мир перевернулся, заставив сердце отбивать размер три четверти – счастливо кружиться в вальсе. Даже неприятный разговор накануне не мог заставить Алису чувствовать себя менее счастливой.

Они долго пробыли с Сашей... Саша – самое прекрасное имя, которое только можно вообразить! Стояли у дерева, она, облокотившись о шершавую кору, и он – рядом, пробегая пальцами по абрису лица, словно оставляя лёгкие, волнующие поцелуи. Медленно брели вдоль тропинки, разговаривая тихо-тихо, порой переходя на шёпот, словно боялись спугнуть то зыбкое, неясное ощущение счастья, вдруг свалившегося на них. Смотрели на верхушки деревьев, покачивающиеся где-то там, высоко-высоко, прорезая бескрайнее синее небо. Переплетали пальцы ласкающими движениями. Ловили губами выдохи друг друга...

В итоге остановились между двух домов, его и её. Алиса вопросительно посмотрела на Сашу. Он едва улыбнулся, а она пропала в синеве глаз в обрамлении густых ресниц.

– Не хочу отпускать тебя, – прошептал Саша, мягко обхватывая ладонь Алисы, чуть сдавливая и подтягивая на себя.

Какой же это был соблазн – пойти к нему, быть с ним рядом весь вечер и всю ночь, и утро, день, вечер, ночь... За сплошным забором играла музыка семидесятых, раздавался громкий смех. Родители Саши приехали на отдых. Алиса вовсе не стеснялась, не чувствовала себя неуместной или лишней, но не хотелось громкой музыкой и любопытными взглядами разрушать волшебство. Словно бережно держала в руках спящего котёнка, изо всех сил стараясь сохранить пушисто-тёплое ощущение в ладонях.

Потом сидела в своей комнате, таращась в одну точку, ловя себя на беззастенчиво довольной улыбке. Она была счастлива! По-настоящему, и, кажется, впервые в жизни.

– Бабушка, – за ужином спросила Алиса. Вовсе не обязательно было делать это при родителях, домработнице и тем более Сёме, но ей не терпелось. – Почему ты в том году не сказала, что приходил Саша?

– Какой Саша? – бабушка подняла удивлённый взгляд на внуку.

– Хокканен Александр. Он приходил, передал мне свой номер телефона, ты не сказала, – не меняя тона, напомнила Алиса. Она всё ещё надеялась, что бабушка просто забыла, ссылаясь на возраст, придумывала оправдания.

– Зачем тебе его номер телефона? – звякнула вилкой по фарфору Анна Эмон.

– Ты должна была просто передать номер, а нужен он или нет – решать мне, – Алиса нахмурилась.

– Ты слишком молода, чтобы трезво решать, – бабушка прямо смотрела в глаза внучке. Не верилось, всё равно Алисе не верилось, что Анна поступила настолько подло в отношении родной внучки.

– Но это всё равно моё дело!

– Алиса, знакомство с таким человеком, как Александр, принесёт лишь несчастье, – твёрдо проговорила бабушка, тут же переводя взгляд на тарелку с запечёнными овощами. Кусочек оранжевого перца показался ей интересней внучки.

– Ты не понимаешь!

– Я всё понимаю, – Анна посмотрела в упор. – Всё понимаю, – Алиса поняла, что её тайна о совместной ночи с Сашей вовсе не тайна для бабушки. – И всё же знакомство с ним принесёт тебе несчастье.

– Может быть, вы всех поставите в известность о причинах ссоры? – раздался голос папы.

– Ага, поставьте нас в известность! – крикнул Сёмка и уставился любопытными глазёнками на Алису.

Повисла тишина, ставить в известность мальчика, естественно, никто не собирался. Как объяснить, что произошло, о чём спорят бабушка с сестрой? Почему мама хмурится, а папа с любопытством поглядывает на прямую, как палка, в светлой блузке с воротником-стойкой, Анну.

Любопытство брата так и не удовлетворили, а потом и вовсе отвлекли разрешением посмотреть внеочередную серию мультсериала. Несмотря на доступность интернета, неисчисляемые ТВ-каналы, у парнишки были ограничения. Просиживать целые дни за просмотром фильмов, торчать в интернете или бесконечно играть в компьютерные игры не позволялось. Режим дня, сна, отдыха, занятий – за всем строго следили.

Потом Алиса разошлась, впервые в жизни она повысила голос на бабушку Анну. Поведение родственницы настолько возмутило, что сдерживать себя не было никаких сил, а главное – желания. Неожиданно сторону Алисы приняли родители. Мама, смеясь, обняла дочку, подмигнула и посоветовала не терять времени, пользоваться моментом, получать удовольствие от жизни, ведь молодость так быстротечна, невозможно всю потратить на музыку. Лето, каникулы, когда ещё влюбляться?! Папа искренне недоумевал, сверлил тещу взглядом, было видно, что на языке у него крутятся красноречивые эпитеты, но он сдерживается.

– Что бы ты сделала, если бы я передала это злосчастный телефон? – впилась во внуку сухим взглядом Анна.

– Я... я не знаю, позвонила... неважно... – вдруг замялась Алиса.

– Ты не думаешь о том, что могло произойти, что может произойти? – Анна перевела взгляд на дочь.

– Уж точно не конец света, – засмеялась мама.

– Конец карьеры, – бабушка прищурилась, зыркнув на дочь. Алиса не поняла этот странный взгляд, заставивший смутиться маму и вспыхнуть папу.

– Кто-нибудь из вас подумал, что будет, если Алиса рванёт за этим человеком? – припечатала Анна Эмон, гордо задрав подбородок. – Он живёт в США, – добавила она тоном, словно США – это Марс, с агрессивной, непригодной для жизни человека атмосферой.

– Будет учиться в США, – парировал папа.

– Слышу крайне далёкого от музыки человека. Слова «другая школа» тебе о чём-нибудь говорят?

– Не собираюсь я ни в какие США! – вспыхнула Алиса. – И рваться ни за кем не буду! Я учусь в Лондоне, в Королевской академии музыки, и продолжу там учиться!

Она искренне не понимала ни хода мысли бабушки, ни её волнений. Может быть, кто-то согласен сорваться за мужчиной, бежать за ним на край света, забыть о своих планах, мечтах, чаяниях. Может быть! Но Элис Эмон точно знала, что она хотела и чего не желала. «Другая школа» её не устраивала, она не просто так выбрала именно Королевскую академию. Алиса Эмон поступила бы в любое место, но выбрала Лондон, в том числе из-за той самой «школы», профессорского состава, перспектив, в конце концов! Как только такой абсурд мог прийти в голову всегда здравомыслящей Анны Эмон?

Всё это она выговорила на повышенных тонах, поднимаясь по ступенькам на второй этаж, пока не выкрикнула, цепляясь за перила:

– Твоё молчание сделало меня несчастной на целый год!

Алисе Щербаковой шёл двадцатый год, и триста шестьдесят пять дней – это очень-очень много. Целая жизнь.

– А можешь стать несчастной на всю жизнь, – тихо проговорила бабушка, Алиса услышала... и не придавала значения.

Глава 15

Ранним утром – Алиса никогда раньше не просыпалась в такое время, – она сидела на краю мостков и задевала пальцами ног воду, оставляя круги на воде, в которых купались солнечные лучи. Услышала шаги, доски покачивались в такт. Она не спешила открыть глаза, подставляла себя солнцу и ощущению безграничного счастья. Шагов узнать не могла, но знала наверняка – Саша.

– Здравствуй, Алиса Щербакова, – она резко распахнула глаза, встречаясь с голубизной неба и глаз напротив. Зрение никак не фокусировалось, разбежались радужные круги, но взгляд от льдисто-синего отвести не могла.

– Здравствуй, – выдохнула Алиса.

– Давно ждёшь? – Саша опустился рядом, она почувствовала нечаянное прикосновение бедра к бедру, от чего сладкая дрожь пробежала по телу.

– Не особенно, – буркнула Алиса, изо всех сил стараясь не опускать глаза ниже подбородка Саши. А вот его взгляд, не смущаясь, опустился, скользнул по лямкам купальника, остановился на полоске ткани, заменяющей лифчик, облизнул предательски напрягшиеся соски, опустился ниже, огладил пупок, остановился и вовсе в интимном месте.

Безумно хотелось ответить тем же, только это ощущалось как вызов. Бросить же перчатку самому Александру Хокканену Алиса не посмела бы. Похоже, она сдавалась без поединка. Судорожно перевела дыхание, чувствуя, как между лопаток выступают мурашки, а в груди начинает тянуть, вернее, тянуться к Саше. К его губам, на которых играет едва заметная, заинтересованная улыбка, грудной клетке с прокачанными, красивыми мышцами, сильным плечам, предплечьям, кистям рук с выступающими венами, плоскому животу, дорожке волос, убегаящей под плавательные шорты...

Алиса вспыхнула, отчаянно ругая себя! То ли за бросающийся в глаза плотский интерес, то ли за стыд за этот самый интерес. В происходящем не было ничего постыдного. Саша – невероятно привлекательный мужчина, не просто так у него тысячи тысяч фанаток по всему миру. Алиса – молодая девушка, женщина, влюблённая в него. Её интерес, желания – объяснимы, и наверняка приятны Саше. Иначе он не смотрел бы подбадривающе, молча позволяя разглядывать себя. Но господи, как же неловко она чувствовала себя в этот момент. Маленькой, неумелой, неказистой девчонкой, случайно попавшей в сказочный мир шикарного взрослого мужчины.

– Была там? – Саша проследил за взглядом смущённой Алисы. Она уставилась на островок на середине озера, только чтобы не есть глазами Сашу.

– Нет, – честно ответила Алиса.

Папа увлекался рыбалкой, его большой катер был пришвартован на Неве. Иногда, после работы, он отправлялся на рыбалку с приятелями на огромное Ладожское озеро. Тащить же катер в коттеджный посёлок на границе с Финляндией не имело никакого смысла. Озеро здесь сравнительно небольшое, такой машиной можно Утиный островок снести. Лодкам же Алиса не доверяла, она вообще не слишком доверяла воде.

– Сплываем?

– Ты что! Я не умею плавать! Вернее, умею... по-собачьи, – окончательно смутилась она.

– Я умею, – засмеялся Саша. – Во всяком случае, некоторые склонны так считать.

– Но я-то не умею, – не понимала Алиса.

– На мне поплывёшь. Я буду грести, а ты держаться.

– Так разве можно?

– Конечно.

– А если... Если я не удержусь?

– Если ты не удержишься, я тебя удержу, – просто ответил Саша, и с этими словами прыгнул в воду. Вот он сидит на мостках, а вот уже в воде, вынырнув через много метров.

– Прыгай, – позвал Саша из воды, подплыв вплотную к мосткам.

– Боюсь, – призналась Алиса.

– Я тебя удержу, – мягко напомнил он, и она прыгнула...

Вернее, спустилась, судорожно цепляясь за доски, пятясь задом в воду, трясясь, как на морозе – дна не ощущалось. Не было дна! Зато была рука Саши, обхватившая талию Алисы, прижимая тело к телу, давая понять – он действительно удержит.

Не чувствуя дна, Алиса крепко обняла Сашу, впитывая всем существом силу его натренированного тела, крепость рук, тепло, несмотря на прохладу воды, волнение, от которого кружилась голова, желание поцелуя.

– Перебирайся за спину, – хрипло проговорил он.

Алиса едва задела ногой мужской пах, стала понятна причина сбившегося голоса. Сделав вид, что ничего не заметила, а её губы не горят от желания почувствовать вкус его губ, она скользнула на широкую спину, обхватывая шею.

– Не дави, – он подтянул руки Алисы, убрав их с шеи, переместив на плечи. – Будет страшно, говори.

Они плыли, действительно плыли. Саша осторожно разводил руки, без резких гребков, стремительных движений, двигался в сторону островка, не оставляя следов на воде, словно не плыл, а парил. Алиса в это время наслаждалась ощущением полёта и силой тела под собой. Совсем не думалось о том, сколько метров воды под ними. Забылось, что плавала она из рук вон плохо, а Сашу почти не знала.

Ближе к острову Алисе показалось, что соскальзывает вниз, она взвизгнула, зажмурилась, рефлекторно схватилась за нос рукой – единственный доступный ей способ нырнуть, не нахлебавшись воды, и нелепо взмахнула свободной рукой.

– Тихо, – Алиса открыла глаза, встречаясь со смеющимся льдистым взглядом.

Саша уже лежал на спине, а она на его груди. Одной рукой он держал Алису за талию, второй скользил по спине, ягодицам. От несильных движений ног тело его вибрировало, заставляя её прижиматься теснее.

Думать о том, когда Саша успел перевернуться, о том, что он определённо не плывёт, а просто лежит на воде, как на мягком, парящем в воздухе облаке, Алиса не могла. Она тонула, тонула в синем взгляде. В объятиях мужчины, которого давно и безнадёжно любит.

Глава 16

Утиный островок оказался больше, чем виделся издали. Густые заросли низкорослого кустарника, высокой травы, цветов с душистым ароматом в центральной части. Песчаный пляж, скрытый от любопытных глаз с одной стороны, и прибежище крякв с другой. Утки недовольно, с подозрением, косились на незваных гостей, но не уплывали, предпочитая заниматься своими делами.

Саша растянулся на животе, на горячем песке, подставляя спину под начинавшие палить лучи солнца. Часов у Алисы не было, телефон она оставила дома, у Саши же был водонепроницаемый фитнес-браслет, услужливо показывающий, сколько времени пара находилась наедине – четыре часа, а если поставить специальный режим – учащённое сердцебиение спортсмена.

Алиса водила соломинкой по плечам Саши, наблюдая, как светлые, едва заметные волоски между лопаток приподнимаются под натиском мурашек. Опускала ладонь на загорелую кожу, выводила знаки бесконечности, чувствуя крепкие мышцы под пальцами, упругость и силу мужского тела. Иногда Саша приоткрывал глаза и смотрел на Алису так, что становилось неловко. Она убирала руки, делая вид, что заинтересовала травинка поблизости. Колосок осоки – невиданная редкость на Карельском перешейке! Тогда Саша улыбался, закрывал глаза и снова покорно ждал рук на теле.

По правде, когда Алиса только увидела закрытый от глаз пляж, вообразила, что Саша станет настаивать на близости прямо здесь. Вовсе не заробела, ведь она хотела того же. Хотела отчаянно сильно с того момента, как увидела Сашу в «Расси», и раньше хотела, даже когда считала, что он оставил её без объяснений – хотела. Не заробела, лишь запнулась, неловко шлёпаясь в поддерживавшие обаяния Саши.

– Девочка моя, – прошептал он, мягко обхватил губы губами, не спеша углубил поцелуй, балансируя на зыбкой грани нежности и страсти.

Потом они плавали, вернее, Саша плавал, Алиса же висела на нём, обхватывая шею или плечи. Грелись на солнце, разговаривали, много разговаривали и не могли наговориться, как путники после плавающего жара пустыни – напиться.

Не касались лишь одной темы – встречи в «Расси» и последующих событий. Алиса отказывалась вспоминать, не хотела задумываться о том, что всего несколько дней назад Саша целовал Марьяну. И не только целовал... Нет! Нет и нет! Она отказывалась обсуждать это так же, как не хотела признаваться в своём ночном поведении с Арттери.

Правильнее было сказать, что той ночью у неё ничего не произошло с человеком-медведем. Это было бы честно по отношению к Саше и Арттери. Алисе совсем не хотелось становиться причиной конфликта между друзьями. Оказалось, они работают вместе не первый год – Арттери спортивный врач, массажист сборной и лично Саши, а ещё хороший друг. Но... признаться в пьяной истерике вместо секса с интересным мужчиной, когда уже зашла с ним в спальню и сняла бельё, стало иррационально стыдно.

Алисе Щербаковой шёл двадцатый год, два из них она жила и училась в Англии, была самостоятельной, взрослой женщиной, а не юной девчонкой, смущающейся от одного взгляда голубых глаз – именно так хотелось думать Алисе.

Чтобы подтвердить мысль о собственной взрослости, дёрнула тесёмку лифчика, снимая кусочек ткани, скрывающий грудь. Они одни на уединённом пляже, в свидетелях лишь пара крякв с утками, можно загорать топлесс. Неприкрытая провокация, кого именно, Алиса ответить не смогла бы. Себя? Саши?

– Уф, – Саша открыл глаза и уставился на открытые лучам груди.

С прошлого года формы Алисы не увеличились. Грудь маленькая со светло-розовыми ареолами, небольшими сосками. Судя по громкому выдоху лежащего, ему понравилось. Саша плотоядно облизнулся, впился взглядом, отчего вершинки напряглись, внизу живота, там, куда скользнул покалывающий льдистый взгляд, полыхнуло. Алиса заметно вздрогнула и рефлекторно сжала ноги.

– Алиса, – Саша резко перекатился, приподнялся на колени, заключил её в кольцо рук и ног. – Оденься.

– Что? – она ожидала услышать что угодно, кроме «оденься».

– Ультрафиолетовые лучи вредны для женского организма, слышала?

– Да, – смешалась она, не отводя взгляда от голубых глаз, шаря рукой по песку в поисках злосчастной тряпочки.

– Твою мать... – Саша резким движением нагнулся к ней, одной рукой впечатал в своё тело, в то же мгновение напористо целуя.

Она вспомнила, вспомнила! Именно так он целовал в спальне, когда она была под ним. Обнажённая, растрёпанная, совершенно ошалевшая, сторающая от желания, бесстыдно раздвигающая ноги, пока умелые пальцы скользили между складочек, даря взвешное наслаждение. – Я не железный, – просипел он, громко выдыхая. – Алиса, я не взял презервативы, пожалуйста, не провоцируй меня сильнее, чем я сам себя спровоцировал, – Саша окинул взглядом пустынный пляж.

Алиса зарделась. О чём она только думала?... Стыдно...

– Девочка, – улыбнулся он. – Моя девочка, – провёл горячей ладонью по пылающему лицу Алисы.

– Давай вернёмся? – выдохнула Алиса, не отводя взгляда от удивительного, до боли знакомого, красивого лица.

– Давай, – Саша встал, протянул руку, она потянулась, поддаваясь резкому рывку, отмечая краем глаза, что его плавательные шорты очевидно бугрятся.

Вернулись в том же спокойном темпе. Саша плыл, Алиса наслаждалась водой, невесомостью, сильным телом, чувством уверенности, плесками и вкусом кожи Саши – порой она задевала кончиком языка шею, надеясь, что озёрная вода и движение не дадут ему почувствовать её маленькую слабость.

– Поедешь со мной? – уже на берегу спросил Саша.

– Да, – тут же ответила Алиса.

– Даже не спросишь, куда? – он по-доброму ухмыльнулся и снова окутал синева взглядом.

– Куда? – послушно отозвалась Алиса.

– В Выборг, заедем к моей бабушке, погуляем... Останемся на ночь.

– У бабушки?

– Уверен, в Выборге есть где остановиться, помимо бабушки, – засмеялся Саша, Алиса прыснула следом.

Больше всего поразило Алису не приглашение погулять в Выборге, где она бывала тысячу раз – их коттеджный посёлок располагался рядом. Не предложение заехать к родственнице. Почему бы не навестить старушку? Саша редко бывал на родине, он должен нанести визит близкому человеку.

А то, что Саша без экивоков зашёл за ней через час после возвращения с озера. Алиса успела принять душ, уложить волосы, надеть летнее платье, решив, что фасон беби-долл придётся к месту, собрать маленький кожаный рюкзачок с косметикой и необходимыми предметами гигиены, и разволноваться не на шутку.

Саша сделал комплимент маме Алисы, улыбнувшись, как на билборде. Поболтал с Сёмкой, оценил его успехи в бассейне на улице, напротив открытой веранды, даже дал пару советов, приведя мальчишку в неописуемый восторг. Поговорил с папой, обменявшись крепким

рукопожатием. Рассказал, куда именно они едут, уточнив, что возможно, Алисе придётся задержаться, завуалировав предупреждение приличным предлогом – нагуляется, устанет, захочет подняться на башню Олафа ночью.

И даже, что и вовсе огорошило, вежливо побеседовал с Анной Эмон. Перекинулся парой слов о природе, погоде, цветах на участке. Взял Алису за руку и вывел за калитку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.